

Загадочные монстры пазырыкцев и китайская мифология эпохи Чжоу.

С. А. Яценко

// [Жречество и шаманизм в скифскую эпоху](#). СПб: 1996. С. 154-158.

<http://kronk.spb.ru/library/yatsenko-sa-1996.htm>

В искусстве пазырыкской культуры Алтая есть несколько образов фантастических зооморфных чудовищ, которые не имеют близких аналогий в религии и искусстве иранских народов, «аборигенных» сибирских соседей и ближневосточных цивилизаций. Обычно исследователей не занимают их происхождение и семантика: дело ограничивается тем, что их объявляют «пазырыкской спецификой». Между тем, им нетрудно обнаружить параллели в синхронных мифологических текстах и изображениях Китая. Влияние китайской иконографии впервые показано Н.В. Полосьмак на примере «феникса» с пазырыкского ковра и образов рыб на предметах узды (Полосьмак 1994: [90-96](#)).

1-2. Персонажи на фрагментах малого войлочного ковра из кургана 5 в Пазырыке. Несмотря на отсутствие ряда элементов изображения, принято думать, что «алтайский сфинкс» и «феникс» («грифон») сражаются друг с другом. Это кажется далеко не очевидным (возможно, первый кормит или седлает второго).

«Сфинкс» во всех своих элементах соответствует образу одного из самых важных божеств чжоусского Китая. Кстати, трудно согласиться с мнением Г.Н. Курочкина об «идентичности» лиц у «сфинкса» и всадника на двух подшитых войлочных коврах, из которого следует вывод, что «сфинкс» отражает фантастический облик души умершего вождя-шамана (Курочкин 1994: 63): у них разные причёска, форма усов и фактура волос (прямые или курчавые). Столь же сомнителен тезис Г.Н. Курочкина о «трёхпалости» сфинкса: персонаж изображён в профиль, и, видимо, когтей на лапах *более трёх* (а на хвосте имеются не 4, а 8 дополнительных отростков).

Все черты «алтайского сфинкса» имеет упоминаемый лишь в чжоусское время бог Луу (тело тигра, человеческое лицо, разделённый на 9 частей хвост; что касается рогов оленя и крыльев, то они в чжоусско-ханьскую эпоху весьма обычны для китайских изображений фантастических тигров (см., например: *Бронзовая утварь...* 1965. Рис. 86) и входят в «тигриную» часть природы этого персонажа) (*Каталог гор и морей*, цз. II, 3). Луу считался управителем китайского "Олимпа" - горы Куньлунь на западном краю мира, где росло "Древо бессмертия" и находился вход в царство умерших; он также "руководит сводами неба и хранит на Куньлуне сокровища дворца небесного владыки Хуан-ди ([Каталог гор и морей](#): 73; Юань Кэ [1987](#): 72). Вместе с ним охрану имущества дворца несут фэнхуаны («фениксы») красного цвета. Именно такой фэнхуан в классической китайской иконографии изображён рядом с Луу на пазырыкском ковре (его основной цвет также красный; мелкие

(154/155)

детали традиционно окрашены в т.н. «5 основных цветов», которые в древнем Китае ассоциировались с основными первоэлементами природы). Если допустить, что на ковре

Луу не кормит фэнхуана толчёным нефритом и не седлает его (что нуждается в доказательствах), то тогда можно считать, что китайские представления о Куньлуне были модифицированы пазырыкцами в духе местного варианта индоиранских мифов о борьбе аримаспов и грифов в мифических горах на краю земли. На ковре фэнхуан изображён, видимо, с особым гребнем, т.е. является самцом («хуан»). В той же могиле известно единственное на Алтае китайское изображение фэнхуанов на шёлковых тканях (это также самцы).

3. Тигр с рогами оленя (конская попола из кургана 1 в Туэкте; татуировка женщины из Ак-Алахи 3). Единственная аналогия у номадов скифской эпохи — золотые поясные пластины из царской могилы IV в. до н.э. из Алушайтены (Ордос); однако на них представлен не тигр, а снежный барс (Каогу 1980: 335. Рис. 3-11). В Китае чжоусского времени широко распространены подобные изображения, в том числе — из органических материалов (В западных изданиях см., например: Sullivan 1973, Pl. 13; Höllman 1986. Abb. 47-48; Rawson 1987: 58. Fig. 28, c) но иконография их заметно отличается от пазырыкских. Здесь в облике фантастического тигра обычно предстаёт «хозяин зверей», особенно в районах горных лесов. О таком зооморфном божестве в раннесредневековой антологии «Тайпин гуанцзи» (ссылающейся на древние народные верования), сказано: «когда тигру за тысячу лет, у него меняются зубы и отрастают рога» (цз. 426, раздел «Тигры»; с. 3466).

Нетрудно понять, почему китайский образ хозяина горных лесов мог распространиться на Алтае. Ещё в начале XX в. у алтайцев могущественный дух гор подчас выступает как фантастический тигр (Алексеев 1984: 158). С рубежа н.э. после масштабных миграций на запад кочевников — бывших соседей Китая, изображения тигра с рогами оленя (как и образ китайского дракона) появляются в юэчжийской Бактрии (кинжал из могилы 4 в Тилля-тепе) (Sarianidi 1985. Pl. 162, 166) и в Сарматии (поясная пластина из Кривой Луки VIII) (Дворниченко, Фёдоров-Давыдов 1989. Рис. 1); здесь этот образ переосмыслен и включён в сложные композиции.

Два следующих мифологических персонажа изображены вместе на одном объекте — на татуировке мужчины из кургана 2 в Пазырыке. В такой географической сводке чжоусского времени, как «Каталог гор и морей», *они имеют чёткую географическую локализацию* — на землях живших к северу от Китая кочевых варваров (цзюани III, I и XII) и характеризуются ниже.

4. Барс с необычайно длинным, закрученным спиралью хвостом. Представлен на пазырыкской татуировке во всех группах изображений (грудь, верхняя часть руки, нижняя часть ноги) и как бы объединяет собой всю композицию. На другой татуировке (женщины из Ак-Алахи 3)

(155/156)

у этого персонажа явно передана окраска тела леопарда. В Китае этот монстр назывался «леопард чжу». В отличие от своего пазырыкского «собрата», он сворачивает хвост клубком сидя, а не во время ходьбы, и имеет некоторые дополнительные фантастические черты, связанные с мордой ([Каталог гор и морей...](#): 51).

5. Крылатый тигр (татуировка в Пазырыке; скульптурное украшение узды, в кургане 1 в Туэкте); в последнем случае персонаж полосат (срав. других крылатых кошачьих — львов и барсов в искусстве Передней Азии, саков Семиречья и на гривнах из Уландрыка).

В Китае так изображалось одно из наиболее популярных и внушавших страх божеств — Цюнци — главный (наряду с Тэнгэнем) из 12 зооморфных богов, изгонявших нечисть. Его лик, привычки и функции хорошо описаны (Каталог гор и морей, цз. XII; Книга о чудесном и необычайном и др.) ([Каталог гор и морей...](#): 106; Юань Кэ [1987](#): 68, 280), Особенно важен костюмированный и необычайно масштабный обряд «дано» («Большого изгнания») с его участием перед Новогодними праздниками. Вместе с тем, Цюнци («Странный до крайности») помогал в остальном лишь неправедным и злым людям. На пазырыкской татуировке он изображён в точном соответствии с китайскими представлениями: как бы «падающим» сверху (с неба) и нападающим на копытное (подобная поза на татуировке — единственный случай для представленных хищников). Убитую дичь Цюнци, как известно, обычно приносит в дар плохим людям. Описанная ипостась Цюнци была наиболее популярной, в отличие от другого персонажа с тем же именем, покрытого колючками, и локализовалась на землях северных «варваров» (срав.: [Каталог гор и морей...](#): 48; Юань Кэ [1987](#): 77).

6. Один из двух монстров из кожи, подвешенных к ремням узды в кургане 4 в Пазырыке, по основным параметрам может считаться одним из вариантов иконографии китайского дракона (лун).

7. Прямое заимствование китайской иконографии очевидно для пазырыкских изображений рыб (представлены сверху, как бы распластанными). Хотя подразумевается конкретный прототип (налим), некоторые детали (в силуэты рыб вписаны грифоны и т.п.) свидетельствуют о том, что это — фантастический образ (Полосьмак 1994: [91-93](#). Рис. [39, 41-\[42\]-43](#)). Такие рыбы у пазырыкцев всегда изображались парой, мордами в одну сторону на конском уборе (Ак-Алаха 1; срав.: Башадар, Туэкта) и поясах (Барбургазы 1, курган 25). В мифологии алтайцев до XX в. сохранялись представления о паре подобных гигантских космических рыб (не известны у других тюркоязычных народов и, видимо, отражают древнюю местную традицию). Обе «Рыбы-мамонты» (Кер-балык) локализованы в центре земли у Мирового дерева. Одна обитает в Молочном озере, даёт тепло и лето; другая — в Кровавом озере и даёт холод и зиму. Внутри этих рыб находятся зародыши всех людей и животных; они поддерживают горы, и от их движений возникают землетрясения (см.: Потапов 1983: 102;

(156/157)

Алексеев [1984](#): 69). Традиция изображения парных рыб сохранялась на Алтае и в раннетюркское время (Дёмин 1989. Рис. на с. 47).

В целом персонажи, связанные с китайской мифологией (парные рыбы к ним не относятся) известны только в могилах аристократии на местных изделиях конского убора, войлочных коврах и на татуировках. Их репертуар включает характерный для раннего китайского искусства «джентльменский набор» древних тотемов (фэнхуан, лун, фантастический тигр), некоторые важные божества (Луу, Цюнци).

Разные китайско-пазырыкские специфические соответствия объясняются, видимо, разными причинами: а) заимствование китайской иконографии при явном знакомстве с мифологией (Луу и фэнхуан на ковре; Цюнци и копытное на татуировке); б) заимствование иконографии для воплощения местных сюжетов (парные рыбы); в) возможные образы кочевого искусства, заимствованные китайцами (леопард «чжу»). На татуировке и ковре

изображены по 2 персонажа, связанных с Китаем (что дополнительно подтверждает нашу трактовку).

Сегодня имеются лишь доказательства *косвенных, опосредованных* контактов чжоусского Китая с пазырыкцами. Характерно, что не только у знати, но и у *рядовых скотоводов* бытовали одежды из шёлка (Уландрык I, к.1), подражания чжоусским кожаными шлемам с лаковым покрытием китайского производства (Уландрык III, к.1) и наборы раковин каури из Южно-Китайского или Андаманского морей (Юстыд XII, к. 12). Вероятно, пазырыкцы были известны в Китае как *народ Цяо*: по одной версии — реалистической — цяо живут на север от Куньлуня, т.е. в направлении Алтая, и единственные (!) носят татуировки с изображением тигра (он представлен на обоих сохранившихся татуировках) ([Каталог гор и морей...](#): 106). Однако Алтай отделяли от Китая 2,5 тысячи километров гор и пустынь, и по этой слабо заселённой линии до XX в. не известны сколько-нибудь крупные торговые пути.

Представляется, что вопрос о причинах близкого знакомства пазырыкцев с китайской мифологией и искусством увязан с другим: о *происхождении самих пазырыкцев* и начальной дате их культуры (VI в. до н.э.?). Анализ такого важнейшего *этнопоказателя*, как традиционный костюм, ясно указывает на ближайшее родство пазырыкцев именно с непосредственными «сакскими» соседями Китая — номадами Ордоса (лоуфани, по С.С. Миняеву), прото-усунями района Турфана, прото-юэчжами Черчена и предскифскими обитателями берегов оз. Лобнор (Яценко, в печати). Разительно и сходство иконографии, и сюжетов «звериного стиля» пазырыкцев именно с ордоскими лоуфанями (Алушайтень, Сигоупань, Сихуигоу, Налиньгаоту) (Э. Банкер и др.) и усунями (Алагоу) (Д.С. Раевский и др.). Не исключено, что это свидетельствует об *исходном районе обитания* предков пазырыкцев — северо-западных окраинах раннечжоусского Китая.

Связи с Китаем номадов запада («жуны») и севера («дисцы») в X-VII вв. до н.э. были интенсивными и разнообразными; они хорошо

(157/158)

документированы. Можно выделить 3 основных их типа. 1) Прямой военный разгром китайских царств с массовым уничтожением жителей (гибель единого Китая после поражения Ю-вана и затем Пин-вана к 770 г. до н.э.; разгром Вэй в 661 г. до н.э. и др.); 2) Союзные отношения с кочевыми группировками (политический брак чжоусского Сян-вана; союз владений Шень и Цзен с «цюаньжунами», а владения Линчжи с «шаньжунами» и т.п.); 3) Соблюдение кочевыми соседями т.н. «неопределённых повинностей» после побед У-вана в X в. до н.э., т.е. их поездки к восходящему на престол новому чжоусскому вану в качестве «гостей». Эти контакты означали захват огромной военной добычи, пленных китайских мастеров, получение богатых подарков, династийные браки, личное регулярное знакомство кочевой знати с чжоусским двором, китайскими обычаями и языком.

Литература. [^](#)

[Алексеев Н.А. Шаманизм тюркоязычных народов Сибири.](#) Новосибирск, 1984.

Бронзовая утварь, обнаруженная при раскопках в местности Чжанцзяпо в у. Чаньянь, относящаяся к периоду Зап. Чжоу // Саогусюе Чжуанькань. Вып. 2. №15. Пекин, 1965.

Дворниченко В.В., Фёдоров-Давыдов Г.А. Памятники сарматской аристократии в Нижнем Поволжье // [Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья](#). М., 1989.

Дёмин М.А. Первооткрыватели древностей. Барнаул, 1989.

Каогу. 1980. №4.

[Каталог гор и морей](#) (Шань хай цзин). М., 1977.

Курочкин Г.Н. Скифские корни южносибирского шаманизма: попытка нового «прочтения» Пазырыкских курганов // [Петербург. археол. вестник. Вып. 8](#). СПб., 1994.

[Полосьмак Н.В. «Стерегищие золото грифы»](#). Новосибирск, 1994.

Потапов Л.П. Мифы алтае-саянских народов как исторический источник // [Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая](#). Горно-Алтайск, 1983.

Тайпин гуанци. Пекин, 1959.

[Юань Кэ. Мифы древнего Китая](#) (2-е изд.). М., 1987.

Яценко С.А. Костюм пазырыкцев Горного Алтая как исторический источник // [ВДИ \[1999. №3\]](#) (в печати).

Höllman T.O. Die Chu-Hauptstadt Ying in China der Späteren Zhou-Zeit // *Materialien zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie*. Band 41. München, 1986.

Rawson J. Chinese bronzes. Art and Ritual. London, 1987.

Sarianidi V. Bactrian Gold from the excavations of the Tillya-tepe necropolis in the Northern Afganistan. Leningrad — Vienna, 1985.

Sullivan V. Chinese Art. Recent discoveries. London, 1973.